

РЕАЛЬНОСТЬ ГЛОБАЛИЗУЕМОГО МИРА И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА Часть 2

В.И. САМОХВАЛОВА

Итак, ситуация глобализуемого мира характерна тем, что заметные деформации происходят в самом культурно-духовном контексте жизни общества, в традиционном понимании отношений между обществом, его институтами и самим человеком, его местом в социуме и его самоощущением.

Наука и культурные достижения все шире используются против создавшего их человека. Клонирование, возможность достижения личного бессмертия путем управления генетическим кодом и использования «запасных органов» скоро явят нам реальность новых бессмертных «богов», что окончательно и необратимо разделит мир на разные категории людей, обозначив качественно новую антиутопию. Если ныне мир живет в так называемом V информационно-технологическом укладе (SBINC¹, 1985–2035), то считается неотложно необходимым прорываться уже в следующий, VI уклад²; и если V уклад был периодом компьютеризации и телекоммуникаций, то VI – период внедрения нанотехнологий, VII же – эпоха уже когнитивных технологий. Чтобы не утратить ни рынков, ни конкурентоспособности, необходим прорыв в новый уклад. Так, последние два уклада подразумевают изменение уже самого человека – в плане возможности весьма произвольной трансформации его личности. И главная цель когнитивных технологий – направленное использование трансформации личности на основе знания о том, как *заставить* человека работать. Глобализация и прежде переступала все допустимые пределы, превращаясь в орудие установления экономического и политического диктата в мире со стороны наиболее развитых стран, но теперь она стала посягать не только на внутренний мир человека, но и на то, что составляет саму основу его существования как человека – его человеческую *идентичность*. В этом уже просматривается *конец* того большого метафизического проекта человека, о величии которого писал в свое время Вл. Соловьев...

Осуществление «продвинутой» властью последних научно-технических укладов приобретает новые невиданные формы: управление сознанием; дирижирование управляемыми конфликтами; «коррекция» численности населения и т.д. При этом власть становится все более отчужденной, анонимной. Многие политические деятели на Западе, в том числе бывший посол США в Москве Джордж Кеннан, утверждают, что в этом мире самые важные решения принимаются неизвестно кем, и неизвестно к кому следует обращать претензии или критику. Невидимый «большой брат» держит в своих руках нити судеб всех живущих,

ибо, как сказано в легенде о великом инквизиторе у Ф.М. Достоевского, «кому же и владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их». Процессы управляемой деантропологизации человека, его обезличивание и культурная унификация в «управляемых» США странах приводит к подрыву основ социальной жизни, к разрушению традиционных институтов ее организации: из-под них как бы выдергивается питающая и связывающая их общая *корневая система*... Эту принципиальную утрату укорененности имел в виду уже упоминавшийся выше (см.: ФН. 2016. № 3. Часть 1) Ж. Аттали, писавший в свое время в книге «Линии горизонта» о формировании типа нового кочевника... У *пост*глобализационного же кочевника, подвергнувшегося применению «когнитивных технологий», очевидно, не будет уже ни собственной воли, ни самого осознания себя человеком как таковым...

Следует сказать, что современный культурный контекст, определяемый доминированием в нем двух основных культурных парадигм постмодернизма и массовой культуры, как нельзя лучше приспособлен для цели постепенного приведения культурной жизни человечества к некоторому «общему знаменателю» и последующей управляемости. Прежде культура, как земля на трех китах, стояла на трех главных и безусловных ценностях: истине, добре, красоте. Фундаментальность этих ценностей человек чувствовал всегда внутренне, как бы на безусловном уровне. Ныне же постмодернистский контекст всячески размывает смысловую и ценностную определенность основ человеческого бытия. Так, истина оказывается все более относительной и неоднозначной; добро скомпрометировано идеологией силы и успеха, утверждаемой философией прагматизма; красота вытесняется безобразным, которое эстетизируется в разнообразных формах отклонения не только от красоты как высшего порядка организации, но и просто от нормы. Множество самых разнородных и несовместимых ценностей (и равноправных с ними антиценностей) образует тот «знаменатель дроби», который превращает культуру в бесконечно малую величину. И если постмодернистское мировоззрение размывает ценностную структуру культурного пространства, уравнивая истину и ложь, добро и зло, красоту и уродство, то массовая культура, в свою очередь, непосредственно гомогенизирует содержание культуры и лишает опору содержание сознания. Происходящие процессы не только дробят общество, но и ведут к распаду смысловых основ, определяющих его бытие и его социальность. Конечно, при этом как бы продолжает свое существование (также ставшее почти виртуальным) уже созданная высокая культура и высокое искусство, творцы продолжают создавать произведения истинного искусства, однако их тиражи несопоставимо малы в сравнении с тиражами детективов, заполнивших книжные пространства. Они не только «физически» вытесняют высокое искусство, но и смещают «пропорции» восприятия: объектами рекламы и популяризации в ток-шоу становятся отнюдь не шедевры.

Деформации в сфере общественных настроений, общественной психологии небезобидны. Известный ученый Н.Н. Моисеев также усматривал в процессах активно осуществляемой гомогенизации и «человеческого материала», и культуры постепенное утверждение «режима нового тоталитаризма», «в котором зомбированное пятимиллиардное население бедных стран будет обеспечивать демократическое и экологическое благополучие “золотого миллиарда”»³. Действительно, вследствие направленных глобализационных усилий совершенно четко вырисовываются черты новой мировой империи (по реализуемому принципу видеть в человеке *материал* и формировать из него нужное, а *негодное* так или иначе устранять) — ее можно причислить к государствам фашистского типа с единым центром управления, с разделением государств по разным «мирам», с жестким делением населения на элиту и массу, на золотой миллиард метрополии и колониальную бесправную периферию.

В настоящее время реальные результаты глобализации и разочарование в ней, ощущение ее исчерпанности при использовании прежних средств и прежней идеологии вынуждают к пересмотру ее приоритетов даже теми, кто стоял у истоков формирования ее стратегии. Однако, конечно, речь идет не о возвращении к идее подлинного единства человечества, означающего не гомогенизацию и унификацию, а реализацию *синтеза* культур в единую *общечеловеческую* культуру, — но лишь о поиске *более эффективной* стратегии, когда допустимая множественность «точек опоры» могла бы обеспечивать реальную устойчивость здания культуры и здания мира как основ сохранения укрепляемого нового мирового порядка.

Осмысливая сложившуюся ситуацию, когда становится невозможно найти *новые* средства при сохранении *прежних* целей, исследователи все чаще говорят уже и о постглобализации, задаваясь вопросом: «Что будет представлять собой *постглобализация?*»⁴ Наступление этого нового этапа развития М.А. Чешков связывает с результатами кризиса самой глобальной общности человечества; признаки кризиса идеологии и практики глобализации указывают на то, пишет он, что «мы имеем дело с чем-то большим, чем кризис, а именно — с *фундаментальным сбоем универсальной эволюции*, сбоем, угрожающим бытию человечества как целого»⁵. Это не просто кризис, утверждает М.А. Чешков, но антропологический *мегакризис*.

Хотя многие исследователи считают нынешний кризис не цивилизационным, но лишь управленческим — кризисом традиционной модели регулирования всех аспектов жизни современного общества, однако велико и число тех, кто резко критикует связанные с глобализацией *программы* структурной адаптации отдельных стран к общему процессу, неолиберальный характер глобализма как экономической доктрины, провоцирующей угрозу экономического спада, роста терроризма, усиления коррупции. О признаках кризиса идеологии глобализации пишут в той или иной мере многие западные авторы⁶, включая Дж. Сороса.

Признаки цивилизационного кризиса, спровоцированного практикой глобализации, усиливаются тем, что *культурные аспекты* жизни человечества оказываются целиком подчиненными экономическим и политическим целям, и культура начинает обслуживать не только внешние по отношению к ней, но и прямо чуждые ей задачи. Это с необходимостью вытекает из целей глобализации и избранных ею методов и способов: и глобализация, и ее кризис имеют определенное *культурное измерение*.

Итак, XXI век отнюдь не обещает стать веком справедливости и тем более равенства. Преимущество окажется у стран с развитыми технологиями и информационными возможностями; им будут принадлежать сила и власть, и их не смогут догнать другие, тем более учитывая специальное разделение труда, принудительно поддерживаемое и навязываемое «третьему миру». Это отнюдь не демократический порядок, ибо он как раз самым откровенным образом оказывается несправедливым к большинству. Здесь, только победитель получает всё. А кто не успел, тот опоздал. И весьма многие опоздали *навсегда*. В условиях исчерпания ресурсов и предписываемого всему миру режима суровой экономии глобализационная элита для себя, тем не менее, сохраняет прежние высокие стандарты потребления, что узаконило не только наличие жесткого разделения населения на элиту и весь остальной мир, но и необходимость все более ужесточающихся мер для поддержания этого порядка⁷.

Здесь следует сказать несколько слов о статусе и роли *новой элиты*. Новая глобализационная элита представляет собой управляющую группу, которая по *составу, качеству, функциям и роли* существенно отлична от прежних элит. Элита прежнего времени традиционно складывалась как *передовая часть* общества, которая представляла национальные интересы своей страны и отстаивала их, определяла нормы и стандарты общественной жизни, вкусы, нормы и образцы в культуре и искусстве, сама стремилась поддерживать и развивать их, чувствуя свою *ответственность* перед остальным обществом. Таким образом, она имела не только какие-то права, но и прежде всего обязанности: сохранять, отстаивать и внедрять высшие ценности, выработанные человечеством за его историю.

Нынешняя элита по своему сознанию, мышлению, психологии — это чаще всего те же люди толпы, лишь более «успешные» (и успевшие), сумевшие закрепить свой успех наличием денег, властных полномочий или каналов влияния на власть. Эта элита озабочена не воспитанием или развитием общества, но лишь масштабом управления и манипулирования им с целью удержания собственного доминирующего положения в нем. Ее уделом становится не прежняя широкая общественная и культурная деятельность, но политика, которая лишь предстает в виде культурных мероприятий и культурной политики. Точнее говоря, это своего рода микрополитика как целенаправленная деятельность управляющей группы, которая с помощью власти и через влияние на нее осуществляет свои личные интересы, часто противоречащие

целям остального общества, его интересам и ценностям. Культурная и интеллектуальная элита трансформируется в элиту олигополярную. Качественное и национальное перерождение элиты означает, что она порывает со своей национальной средой и интересами страны и начинает в экономическом, культурном и менеджерском планах обслуживать интересы вненациональной глобализации. Разрыв с традиционной культурой, изменение мотиваций и целей, необходимость осваивать агрессивный стиль поведения приводят к определенной депрофессионализации интеллектуальной и культурной элиты, которая начинает не столько строить и создавать, сколько активно и осознанно участвовать в массивном разрушении традиционных общественных устоев (государственных, культурных, религиозных, семейно-нравственных и т.д.). То, что с ее помощью создается и усовершенствуется, — это система управления и контроля над новым конгломератом людей, в который превращается человеческая общность.

Таким образом, формирование единой мировой системы власти, идущее по разным направлениям, но претендующее на то, чтобы сделаться реальной властью, обеспечивается господством над единой информационной системой, пронизывающей все пространство планеты. СМИ, руководимые из единого центра, не столько информируют население, сколько *формируют реальность* через создание тенденциозной картины мира, в которой возносятся одни лица, уничтожаются другие, раздуваются одни события, замалчиваются или извращаются в их содержании и смысле другие. Большие противоречия создаются в *сознании* воспринимающих эту реальность людей. С одной стороны, человек склоняется ко все более идеальным, символизированным формам выражения, как бы переходит в виртуальное бытие, «развоплощается»; с другой стороны, он все более замыкается на вещественно-предметные ценности и переживания, заземляется на «базовые», инстинктивно-чувственные пласты своего существования, провоцируется современной культурой на «оживление» древних, архаичных структур сознания⁸. Расширяющаяся практика террористических актов и их характер также провоцируют к оживлению древних атавистических механизмов социализации, получивших в современной психологии наименование садо-мазохистского комплекса («мягкая» разновидность его эвфемистически именуется Стокгольмским синдромом).

Когда человек в своих оценках и действиях одновременно руководствуется противоположными мотивами или чувствами, это ведет к расщеплению его сознания, или его шизофренизации (об этом, кстати, как об объективной именно социально-политической, а не только психиатрической тенденции, свойственной современному обществу, писали постмодернистские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари). Современный контекст провоцирует шизофреническое состояние сознания.

Психика подвергается глубокому деформирующему воздействию — сопоставляя виртуальный мир, создаваемый СМИ и рекламой, и реальный мир, в котором он непосредственно живет.

Все эти разрушительные процессы настолько дезорганизуют человеческое сознание, размывают и дебилизируют его (здесь наиболее «эффективна» преуспевающая в этом реклама), что человек становится легко управляемым и контролируемым. В современном обществе создается не только новая мифология, призванная направлять мышление в русло определенных представлений и мотиваций, а поведение — в русло стереотипных импульсов и реакций, но создаются средства и технологии для непосредственного осуществления столь полного контроля над мышлением и поведением, что это выглядит уже как *отчуждение сознания*. Сознание человека больше не принадлежит ему самому: им распоряжаются СМИ, Интернет, создатели новых специальных технологий и т.п. Крайний (пока еще) вариант подобной ситуации представлен в фильме С. Спилберга «Особое мнение», где вина человека определяется не по совершенному им поступку и даже не по попытке совершения его, но лишь по *предполагаемому* внутреннему намерению, которое было *зафиксировано* «комиссией экстрасенсов». В перспективе — полное воплощение антиутопий Дж. Оруэлла и Е. Замятина, когда независимая частная жизнь станет полностью невозможной, а римское право с его презумпцией невинности упразднено. Суд же будет осуществляться в соответствии с убеждением управляющего службой наказаний, как в рассказе Ф. Кафки «В исправительной колонии»: тот считал, что «виновность всегда несомненна».

Информационные войны закрепляют способы разделения общества по последним рубежам не только *собственности*, но и всего остального достояния человека. Современный мир делится уже не только на богатых и бедных (с вопиющей разницей их положения и консервацией его), т.е. по традиционному виду собственности, но в нем закрепляется и разделение по *интеллекту*. С одной стороны, умная и образованная элита, получающая возможность развивать свой интеллект и сохраняющая для себя высокие стандарты образования, и с другой стороны — обольняемая и дебилизуемая масса (что закрепляется, например, в реформах системы общего и по своему содержанию «очень-очень общего» образования). Интеллектуальную собственность трудно отнять, но можно лишить возможности ее приобретения, накопления и заявления о ней. Происходит разделение и по *психостатусу* — на уверенных в себе и людей, и наций, с одной стороны, и на «неполноценных», с другой, которым этот комплекс неполноценности старательно навязывается с помощью специально организуемого информационного воздействия и поддерживается с помощью неравноправных договоров, акций и т.п.

Таким образом, можно сказать, что надежды, возлагаемые на глобализацию, которая поможет сообща решить все мировые проблемы,

перераспределив средства и возможности, объединив усилия и т.п., не оправдались, так же как развеялись и иллюзии о новой общей мировой культуре. Как бы ни понимался смысл и содержание процесса глобализации, можно сказать, что представление о едином мире и едином человечестве, идеализированный образ которых лежал в основе многих научных теорий, так и осталось розовой мечтой, на воплощение которой надежд не осталось даже у самых стойких оптимистов. Одно дело — единое человечество в представлениях П. Тейяра де Шардена, Н.Н. Федорова, В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, и другое дело — гомогенизированное население, становящееся некоей единой мегатолпой, обезличенной масскультом и управляемой глобальной массовой мифологией; о перспективе подобного «планетарного века толп» писал французский психолог С. Московичи⁹, утверждая, что наработанные методы внушения, но уже в чрезвычайных масштабах всего информатизированного мира могут стать основой утверждения нового невиданного тоталитаризма.

Конечно, на это можно возразить, что таковы объективные тенденции развития современного технотронного общества и что становление масс становится неизбежным; а при современном уровне отчужденности, безличности власти и выравнивающем воздействии информации массы обречены на перерождение в толпу и мегатолпу. Но уж если подобное неизбежно, при этом особое значение приобретает именно то, какими *идеями и лозунгами* будет руководствоваться эта мегатолпа. Одно дело, если она будет вдохновляться лозунгом «человек человеку — друг, товарищ и брат» и считать высшими ценностями, хотя бы декларативно, добро и справедливость (такое в контексте разговора об утопиях уместно). И другое дело, если она будет выступать с идеей «человек человеку — волк» и с убеждением, что в обществе должен править закон джунглей, что в «войне всех против всех» «слабого надо подтолкнуть», а сильному подчиниться. И совсем плохо, когда эта мегатолпа вдохновляется фашистскими лозунгами расового, национального, религиозного или какого-либо иного превосходства, уничтожения «недочеловеков», освобождения жизненного пространства для избранных и т.п.

Иными словами, вопреки расхожим представлениям и авторитетным утверждениям о том, будто идеологии теряют свое бывшее значение в условиях современного общества, ситуация реально оказывается иной: рост технической и информационной вооруженности общества, становящегося все более массовым, делает проблему *идеологии* как никогда актуальной, ибо это — проблема содержания и полюсности духовного пространства. И именно в духовном пространстве, в пространстве формирования метаценностей и метамотиваций будет происходить самая напряженная информационная война, ибо здесь будут определяться содержание и облик нового глобального сверхгосударства и будет решаться вопрос о способе управления им.

Действительно, одно дело управлять интернациональным обществом, которое ставит своей целью формирование совершенного, гармоничного человека, и совсем иное дело — управлять атомизированной и нивелированной массой в безнациональном глобализованном сверхгосударстве. В первом случае управление, конечно, оказывается делом более сложным, но оно может стать формой интересного творческого сотрудничества власти и общества, во втором же случае управление упрощается, но неизбежным оказывается применение контроля и подавления, при этом чем более деградированной становится масса, тем более жестким, неимманентным человеческой природе будет по необходимости способ управления. Это, в свою очередь, скорее всего усугубит положение, вызвав к жизни еще более тотальные техники контроля и даже зомбирования. Деградация человеческого сообщества к животной массе или даже к рою насекомых (вспомним «человеяник» А.А. Зиновьева) — такова, очевидно, картина будущего «человечества», безупречно организованного в целесообразно выстроенном функциональном отношении. Чтобы предупредить обвинение в слишком мрачных или необоснованных фантазиях, имеет смысл опять обратиться к З. Бжезинскому. Он признает, что современный мир стоит накануне таких кардинальных преобразований, для которых небезызвестный Робеспьер, например, оказался бы слишком мягким человеком. Очевидно такого человека имел в виду уже упоминавшийся Ж. Аттали, который в книге «Он придет» вывел в качестве героя нового глобализационного мессии, который и осуществит глобализацию до логического конца. Этот мессия одновременно явится и вождем глобального квазиобщества. И здесь явно напрашиваются аналогии с образом антихриста-экумениста из «Краткой повести об антихристе», завершающей «Три разговора» Вл. Соловьева.

Итак, мы в самом деле наблюдаем ситуацию, когда противостоящая новой элите масса, с децентрированным сознанием, не способная к самоидентификации, живущая в призрачном мире фиктивных ценностей, фактически превращается в простую биомассу. Для обеспечения порядка и спокойствия в обществе она должна быть охвачена поголовным контролем и системой неотступной манипуляции сознанием, механизмы которой отработаны в информационных войнах и замаскированы но-вокультом. И это будет *новый* тоталитаризм, ибо, во-первых, прежние тоталитарные режимы были локальными, не охватывая мира в целом, а во-вторых, никогда прежде подобные режимы не имели такого мощного информационного обеспечения, которое незаметно, но повсеместно охватывало бы жизнь общества. Становление индустрии культуры, ставящей на поток программирование людей с помощью массового искусства, рекламы, телевизионных программ, немецкие философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей «Диалектике просвещения» характеризуют как «наиболее изошренную и злокачественную форму тоталитаризма».

Агрессивная экономическая политика и курс на культурное усреднение неизбежно порождают в обществе, на любой стадии его

экономического процветания, мешанскую психологию, способную становиться питательной средой для фашистской идеологии, всегда предлагающей самые простые и быстрые решения всех самых сложных проблем. С тревогой следует признать, что многие средства и методы современной глобализации также пытаются предлагать простые способы решения чрезвычайно сложных и неоднозначных проблем. Перспективу возможного схождения этих идеологий укрепляет царящая в обществе атмосфера насилия и жестокости, эмоциональной неустойчивости, провоцируемое развязывание инстинктов, низкий уровень способности к действительно рациональному восприятию и пониманию событий, что обусловлено разрушительным воздействием на логико-аналитические способности сознания крайне противоречивого и алогичного информационного фона. Наряду с проявлениями крайнего индивидуализма, те же массы, как правило, склонны и к принятию форм крайнего авторитаризма.

Главной же опасностью становится разрушительное воздействие на *волевою* составляющую человеческой личности, «общий модус души» человека, представляющий высший уровень его психики, кардинально отличающий человека от всех его животных сородичей. Воля фактически остается главным человеческим ресурсом, который не только помогает человеку оставаться человеком, но и, будучи концентрирована, позволяет ему реализовать собственно человеческую программу поведения. Для разрушения, развенчания, разбалтывания воли применяются самые разные средства, от навязывания комплекса неполноценности, пропаганды алкоголя и наркотиков вплоть до злоупотребления неграмотно используемыми психотехниками.

В качестве одной из метафизических атак на волю можно рассматривать, например, и тактику навязывания православному сообществу экуменистских, фактически же католических идей, специфически отличных от православных представлений о человеческой воле. В православном мировоззрении человек волен творить, если, конечно, его воля не противоречит воле Бога, а является ее дополнением и развитием на сугубо человеческом уровне. Католичество же противопоставляет православной иоаннитской религии формализованное и прагматичное павлианство. Разногласия здесь касаются не столько разных прочтений тех или иных положений христианского учения, сколько стоящих за ними духовных традиций и духовной специфики национального *характера*. Тем не менее духовные пастыри человечества согласны в том, что, как совершенно справедливо отметил в свое время глава католической церкви, Папа Римский Иоанн Павел II, «поскольку глобализация руководствуется только законами рынка в интересах наиболее могущественных, ее последствия могут быть только негативными»¹⁰.

Так, с разных ракурсов и подходов вырисовывается новый общепланетный, глобальный тоталитаризм, где главным аргументом становится

сила в разных формах ее выражения, где неизбежно слабые должны подчиниться сильному — и никакой демократии, никакого либерализма... Под словесный аккомпанемент осуждения тоталитаризма и «имперского сознания» в действительности осуществляется невиданно жесткая стратегия построения нового империализма (форма организации) и формирования нового тоталитаризма (форма управления). Все это с необходимостью предполагает деформацию социальной жизни и практику обработки сознания населения в направлении адаптации его к этой новой действительности. Вопреки декларациям, в реальности права человека все меньше соблюдаются и все меньше остается гарантий их соблюдения. Демократия в ее либеральном и неолиберальном исполнении все больше превращается в симулякр, становясь лишь тенью миража.

Так, реальность показывает, что демократическое разделение властей становится все более условным, ибо усиление тоталитаристских тенденций требует усиления исполнительной власти, которая становится все более бесконтрольной, что оправдывается необходимостью ускорения принятия оперативных решений в условиях растущей криминальной угрозы, борьбы с терроризмом и т.п. Принципиально демонтируются прежние принципы демократического равенства и прав человека — во имя усиления власти узкого меньшинства. Сами демократические процедуры все более превращаются в своего рода шоу; выборы, например, становятся все более явной пародией на свободное волеизъявление населения. Перерождение элит и консолидация криминала делают ситуацию все более критической.

В глобальной империи, формирующейся при главенстве и под контролем США, складывается такой тип международных отношений, когда США уже не считают нужным договариваться с неудобными им странами как с равными партнерами, решая все возникающие противоречия с помощью войсковых операций; тем более, что расходы, как правило, приходится нести проигравшей стороне. Неудобной страной может быть объявлена любая — фактически без объяснений и без причин. Многие смирились: ведь если мы живем в эпоху, когда опрокидываются все *главные границы*, стоит ли упорствовать в отстаивании каких-то *моральных правил*?

И в этом направлении активно работают мировые СМИ, создавшие всепроникающую, всетрансформирующую сознание человека систему. Они формируют мотивы деятельности и соответствующим образом моделируют поведение, специфически работая с подсознанием, структурируя его в соответствии с господствующей в обществе иерархией «ценностей», актуализируя определенные его уровни, сферы, области. Подобные программы способны оказывать воздействие, не уступающее действию психотропных препаратов. Сознательное и лукавое запутывание сознания в сложности и неоднозначности современного бытия довершается часто повторяемым, ставшим как бы программным для

современной культуры декларированием идеи, что главным содержанием современной эпохи является переход от материальных ценностей к *постматериальным*. Что означает слово «постматериальные»? Если это *не* материальные ценности, то какие? Духовные? Но почему тогда так и не сказать, тем более что это понятие является своего рода термином. Или же постматериальные ценности — и не материальные, и не духовные? Опять же — а какие тогда? Может быть, просто антидуховные, а слово «постматериальные» — очередной эвфемизм? Нарочитая запутанность, недосказанность, недодуманность не может не иметь опорой некоторую размытость сознания, деформированность мышления, что становится следствием воздействия общего контекста, создаваемого культурой, которая начинает служить целям, чуждым собственно культуре.

Известная «ритуализация» современной жизни, предпочтение манипуляций творчеству, техники выражения непосредственности передачи движения мысли и чувства, вера в преимущество технологии над идеологией делают культуру соединением техники и ритуала, лишая ее живой души. Современный контекст полностью игнорирует то, что в человеческой природе наличествует уровень «духовного бессознательного», выделенный продолжателем учения Карла Юнга Виктором Франклом. Он утверждает, что человеческая природа имеет некую божественную составляющую, которая как бы дремлет в бессознательном слое человеческой души. И потому человек всегда подсознательно будет сопротивляться попыткам вмести́ть его в прокрустово ложе схем и проектов, если те не учитывают *метапотребность* человеческой природы в духовности, в высших ценностях. Ощущение тотальной подмены бытия, апелляция к худшим составляющим человеческой природы реально ведет к ухудшению «человеческого материала», в то время как усложнение жизни, необходимость освоения новых высоких технологий требуют *улучшения, усложнения, совершенствования* и человека, и человечества.

Становление действительно планетного человечества, о котором издавна мечтали люди, а также появление универсальной общечеловеческой культуры связано со становлением универсальной человеческой личности, о которой в разные времена писали философы-идеалисты всех времен. Эта универсальная личность, всесторонне развитая, гармоничная в своих проявлениях и свободная в своих отношениях с миром, должна быть и будет личностью творческой. Но это-то и становится все более проблематичным и даже невозможным в контексте развития деперсонализированной эрзац-культуры нового тотализированного общества, которое формирует столь же проблематичного человека.

В этой связи и в контексте заявленной темы самым важным вопросом становится следующий: как осуществляемый проект глобализации соотносится с развитием человека, с раскрытием и реализацией его человеческой природы? Способствует ли это совершенствованию человека, реализации в нем Образа Божия? Неучет человеческого материала, самой человеческой

природы в конечном счете обрекает любой проект на провал. Что же происходит с человеком вследствие идущих процессов глобализации и сопровождающих их изменений в ментальности и внутреннем мире человека?

Как уже говорилось выше, в духовном пространстве, связанном с формированием метаченностей и метамотиваций, высших побуждений к деятельности во имя реализации высших целей (как их видит и определяет человек) лежит и вопрос о будущем самого человека как рода, о его выживании, о его месте и роли в Космосе, о возможности реализации им своего предназначения. В этом плане естественно встает и вопрос о том, насколько та или иная модель социального устройства эволюционно оправданна, т.е. насколько она способна помочь человеку в раскрытии его природы и предназначения. Ведь действительное его развитие состоит не в увеличении комфорта его бытия или росте его собственности, но в совершенствовании его человеческой природы. Развивающаяся, следовательно, все более сложная реальность требует и все более развитых, разносторонне совершенных, способных к творческой реализации людей. Творчество фактически есть условие самой *адекватности* человека, которая и может обеспечить его выживание как вида и как рода в ситуации непрестанно и непредсказуемо изменяющегося мира.

Оказывается, что в целом глобализация действует вопреки требованиям эволюции, ее цели приходят в противоречие с целями эволюционного развития человечества, в перспективе требующего от него развития творческого мышления, становящегося не только психоментальной, но и этической нормой. Кроме того, уже сама насильственность мер (от мягкого насилия, подкупа, обмана, оболыщения до бомбардировок и геноцида) по «обращению в глобализм» вряд ли может расположить людей и к самому проекту, и к его реализаторам, которые, как сказал бы Ф.М. Достоевский, выступают людьми «без нравственного центра»¹¹.

Глобализуемый человек предстает как человек деградирующий, который вполне может оказаться не способным к преемственности и продолжению эволюции. Сомнительно, что он сохранит самостоятельную творческую мотивацию к развитию, или же ее развитие будет осуществляться с помощью искусственных мер, евгенических экспериментов и т.п., что представлено в антиутопических фантазиях Ж. Парвулеску. Что касается большинства остального населения, то оно, как в антиутопии Дж. Лондона «Железная пята», будет погружаться «в скотскую апатию смирения и безнадежности». Тотальная деформация ценностной иерархии, трансформация образа жизни, угроза деформации самой человеческой природы вследствие углубляющейся шизофренизации бытия и сознания могут создать эффект необратимого регресса человечества. Даже простая перспектива подобного исхода показывает, сколь дорогой ценой может оно заплатить за бездумное отношение к собственной судьбе.

Разве до сих пор не очевидно, что исчезнувший из виду под разговоры о рынках, о валюте, о формировании человека-потребителя вопрос

о собственно человеке, о его развитии, о том, что он есть и главный актер, и герой, и цель развития общества, ибо именно его особая человеческая природа и ее аутентичное развитие и могут придать действительный, а не надуманный смысл всем движениям и изменениям... Тем более что деградиационные процессы в культуре, профанация самой идеи человека не только не могут быть компенсированы какими-то экономическими успехами, но именно они-то и не позволят этим успехам состояться вообще.

Нужен творческий поиск иной *парадигмы* бытия, самого иного бытия мира, иного образа самого человека – устремленных в будущее... Ныне же – кризис метафизического мегапроекта человека и оживление апокалиптических видений... И не следует говорить, что это для нас неожиданность... Глобализация в ее современном виде, при ее современных целях и средствах постепенно, но неуклонно настолько кардинально меняет мир, меняет бытие, что потерявший бдительность человек, избравший инфантильно-потребительский способ «произрастания» в мире, однажды может обнаружить себя в комплексно, совершенно иной реальности... И будет ему, как говорится в Евангелии, *новая земля и новое небо*. Ну, правда, земля будет весьма для него неудобная, а небо – без Бога.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ SBINC – SocioBioInfoNanoCognito.

² Разные исследователи исходят из разных принципов периодизации укладов, но в целом V уклад относят на конец XX – начало XXI вв., VI уклад – на середину XXI в., VII уклад – на конец XXI в. См., например – URL: ru.wikipedia.org/wiki/

³ *Моисеев Н.Н.* Гуманизм – заслон против надвигающегося средневековья // *Здравый смысл*. 1997. № 5. С. 18.

⁴ *Чешков М.А.* Глобализация: контуры рамочной концепции // *Глобальный мир*. Вып. 6: Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. – М., 2001. С. 4.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ См.: *Soros G.* The Crises of Global Capitalism. Open Society Endangered. – N. Y., 1998; *Doremus P.N., Keller W.W., Pauly L.W., Reich S.* The Myth of the Global Corporation. – Princeton, 1998; *Мартин Г.-П., Шуман Г.* Западная глобализация. Атака на демократию и на процветание. – М., 1999.

⁷ То же касается и обладания ядерным оружием: если оно уже есть у страны, она может его совершенствовать; если же его у нее не было и нет, то она уже не имеет права иметь его впредь и испытывать.

⁸ Чего стоит, например, восстановление новыми республиками, суверенными краями, областями и т.д. древних гербов, где отражены тотемные (орлы, волки, соколы, медведи) мотивы древнего человека.

⁹ См.: *Московичи С.* Век толп. – М., 1998. С. 450.

¹⁰ Цит. по: Этнос глобального мира. – М.: Горбачев-фонд, 1999. С. 12.

¹¹ Если только не считать, что глобально и абсолютно прав С. Киркегор, сказавший, что мир хочет быть обманутым.

REFERENCE

Brzezinski Z. *The Grand Chessboard*. Moscow, Merzdunarodnye otnosheniya, 1999. 256 p. (Russian trans.).

Cheshkov M.A. Globalization: contours of the frame concept. In: *Globalny mir*. Issue 6. Moscow, 2001 (in Russian).

Doremus P.N., Keller W.W., Pauly L.W., Reich S. *The Myth of the Global Corporation*. Princeton, 1998.

Ethos of the global world. Moscow, Gorbachov-fond. 1999 (in Russian).

Globalization as a factor of social changes in the modern world. In: *Collection of reviews*. Moscow, 2012 (in Russian).

Moiseev N.N. Humanity – barrier against the approaching Middle Ages. In: *Zdravyj smysl*. 1997. No 5 (in Russian).

Moskovichy S. *The Century of crowds*. Moscow, 1998. 480 p. (Russian trans.).

Samokhvalova V.I. Information war as daily occurrence. In: *Phylosofskaya Russia*. 2006. No 1 (in Russian).

Shyshkov Y.V. Globalization of course throws down a challenge... In: *Klub uchenych «Globalny mir»*. Issue 7. Moscow, 2001 (in Russian).

Soros G. *The Crises of Global Capitalism. Open Society Endangered*. New York, 1998.

Martin G.-P., Shuman G. *Western globalization. Attack to democracy and to prosperity*. Moscow, 1999 (Russian trans.).

Аннотация

Статья посвящена современному этапу процесса глобализации, попыткам оценить его стратегии и методы. В связи с этим рассматривается состояние сознания современного общества, определяется место человека в глобализуемом мире, его возможное будущее в сравнении с существующим большим мегапроектом человека.

Ключевые слова: глобализация, стратегия, информационные войны, сознание, образ, человек.

Summary

The article is devoted to the present stage of globalization process, attempts to estimate its strategy and methods. In this regard the author considers the condition of consciousness of modern society, the place of the person in the globalized world and defines its possible future in comparison with the existing big megaproject of human being.

Keywords: globalization, strategy, information war, consciousness, image, man.